

Тогда, соглашаясь вместе с двумя другими кланами выступить против Юйчи, он руководствовался вовсе не общими интересами.

Лишь сам Хэлянь Хэн знал: он просто хотел захватить Юйчи Ланя живым, в идеале — уволочь этого человека в пределы клана Хэлянь. Но если бы Юйчи можно было раздавить одной лишь численностью, Юйчи Лань не носил бы прозвище Злого Духа.

Пока те два клана порознь наступали на Шанчжоу, его армия Хэлянь прошла через Долину Яньхань снизу, рассчитывая занять наилучшую позицию, чтобы единым ударом рассечь центр Шанчжоу и ворваться в Цзюлун. Однако Юйчи Лань почти безошибочно разгадал эти замыслы. Он поручил двум своим военачальникам встретить наступающие силы Хуанфу и Сима, а сам во главе трёх тысяч воинов устроил засаду в Долине Яньхань, намереваясь сперва разгромить Хэлянь, а уже потом решать остальные вопросы.

Они сходились в конном бою снова и снова, сражаясь так горячо, что кровь закипала в жилах.

Хэлянь Хэн до сих пор помнил это отчётливо: тот человек с длинным клинком в руке и поводьями в другой словно слился воедино со своим конём — свирепый и в то же время невероятно проворный.

Кроваво-красный плащ метался и трепетал при каждом движении, издавая гулкие звуки на ветру.

Его взгляд был намертво прикован к этому ярко-алому пятну, не смея оторваться ни на секунду.

Если бы не скрытая стрела, пущенная людьми противника из мёртвой зоны, пожалуй, они с Юйчи Ланем могли бы сражаться сутки напролёт и так и не выявили бы победителя.

Тот исподтишка выпущенный снаряд вонзился Юйчи Ланю в левое плечо, заставив выронить поводья, и он тут же рухнул с лошади.

Хэлянь Хэн молниеносно соскочил с седла вслед за ним, и его клинок с ходу лёг прямо к горлу Юйчи Ланя.

— Я-то считал тебя, Хэлянь Хэн, настоящим мужчиной, а ты, оказывается, тоже способен исподтишка разить исподтишка... Если Поднебесная достанется таким подлым крысам, как вы, не значит ли это гибель для Чэньяня? Смешно, до чего же смешно, ха-ха-ха...

Находясь в явном проигрышном положении, потерпев поражение, Юйчи Лань всё равно смеялся, с безумной дерзостью выкрикивая эти слова.

Тогда он опустил меч, наклонился, ухватил Юйчи Ланя за воротник и произнёс: «Если

взмолишься о пощаде, я непременно пощажу тебя».

Юйчи Лань позволил ему держать себя, а в ответ одарил ленивой и наглой ухмылкой: «О пощаде? Скорее уж о возвращении долгов».

А затем этот человек изо всех сил впился зубами ему в руку, вонзив клыки прямо в плоть; от резкой боли он ослабил хватку, а тот воспользовался моментом, перекатился, отскочил назад, стремительно подобрал меч и без лишних слов бросился на него.

Эй, Хэлянь Хэн.

Неуклюжий оклик прервал раздумья мужчины.

Подняв голову, он увидел, что Цзун Цзинь стоит неподалёку, словно только что выбравшись из повозки. Половина фигуры юноши скрывалась в ночной темноте, а другая была освещена языками пламени.

Ни фигурой, ни лицом Цзун Цзинь ни капли не походил на Юйчи Ланя, однако Хэлянь Хэню чудилось, будто за его спиной проступает смутный силуэт того человека.

Хэлянь Хэн холодно бросил:

— Что тебе нужно?

Цзун Цзинь подошёл к нему, смущённо отвернувшись и демонстративно избегая смотреть в глаза:

— Раз уж ты не убил меня, то и я пока не стану убивать тебя... Вот расквитаюсь со своими долгами, тогда и заберу твою жизнь по всей честности.

Это заявление было вполне искренним.

Тот выручал его уже раз за разом, и если бы он после этого продолжал вынашивать планы тайного убийства, это и вправду было бы не по-мужски. К тому же, куда больше, чем жажда убить Хэлянь Хэна, в нём сейчас жгло желание вернуться в Цзюлун и потребовать от Ло Чэньхуаня ответа.

Зачем он предал его?

Хэлянь Хэн, разумеется, не ведал, что творится у того в голове, и лишь тихонько обронил:

— Я жду в любой момент.

— Разве они не должны обрабатывать тебе раны? — снова подал голос Цзун Цзинь.

— Хочешь заняться этим сам?

— ...При чём тут «заняться», это я проявляю великое милосердие, — гневно бросил Цзун Цзинь, широким шагом обошел его сзади и выхватил склянку с лекарством прямо из его рук. — Из уважения к тому, что ты меня не прикончил.

Хэлянь Хэн не стал возражать, действительно позволив ему насыпать целебный порошок на рану у себя на плече.

Цзун Цзинь и сам не мог бы толком объяснить, зачем затеял всю эту возню, но, заглянув из повозки в приоткрытое оконце и увидев жалостливую фигурку Хэляня, в одиночество сидевшего у костра, он вдруг подумал, что его собственный поступок с укусом выглядел, пожалуй, чересчур подленько.

В конце концов, с самого их знакомства и по сей день Хэлянь Хэн по-настоящему так его и не поранил.

Раз уж они оба борются за власть в эти смутные времена, пусть это сойдёт за доброе дело, совершенное во благо кармы.

Цзун Цзинь вытянул безымянный палец, осторожно коснулся порошка и раны, легко и привычно растирая лекарство, аккуратно замазывая каждый след от зубов.

Костёр потрескивал, вокруг стояла ночная тишина. Воины армии Хэлянь кто дремал, кто нёс дозор; после того как все умолкли, отчетливо слышно было дыхание их обоих.

— Не ожидал, что ты так искусно обращаешься с мазями, — тихо произнёс Хэлянь Хэн.

Вероятно, из-за довольно мягкого тона собеседника Цзун Цзинь не уловил в этих словах насмешки и непринужденно отозвался:

— Самому вечно приходится лечиться, как тут не научиться... А где бинты?

— Не нужно.

— Как это не нужно? — выдал Цзун Цзинь и с молодецким удалом оторвал подол собственного одеяния, превратив его в длинную полосу ткани. — Подними руку.

Мужчина невозмутимо скосил глаза и увидел лишь половину лица Цзун Цзиня.

Лица поистине писаного красавца, особенно выделялись губы — уголки их почему-то слегка приподнимались, из-за чего даже без всякого выражения казалось, будто он едва заметно улыбается.

Жаль только, что этот рот нёс одну лишь дерзость.

Хотя нет, к счастью, что этот рот не умеет говорить приятных вещей.

Рассуждая так про себя, Хэлянь Хэн всё же послушался и покорно поднял руку.

Тыльная сторона ладони юноши то и дело касалась его кожи — гладкая и чуть прохладная; не прошло и мгновения, как Цзун Цзинь уже виток за витком обмотал полотно вокруг плеча Хэлянь Хэна.

— Готово.

Вслед за словами Цзун Цзиня мужчина слегка пошевелил поднятым локтем. Тот действительно превосходно справился: повязка была наложена так искусно, что вовсе не сковывала движений, а тугость оказалась в самый раз.

Цзун Цзинь хлопнул в ладони за его спиной, стряхивая прилипший к пальцам порошок, и развязно бросил:

— Ну, я пошёл.

Мужчина неожиданно окликнул его:

— Куда это ты собрался?

— А? Найду какое-нибудь дерево и посплю, — Цзун Цзинь обернулся и небрежно кивнул в сторону Бэйтан Ле. — Вон как они.

Хэлянь Хэн как раз запахнул одежду, поправил ворот и неторопливо поднял руку, вытягивая наружу забившуюся под воротник длинную прядь волос.

Эта сценка целиком и полностью отпечаталась в глазах Цзун Цзиня.

Хэлянь Хэн и без того отличался смазливой внешностью, а сейчас это движение и эта поза в сочетании выглядели точь-в-точь как у главного зазывалы из какого-нибудь весёлого дома,

торгующего своей красотой — донельзя услаждающе для глаз, но до неприличия развратно.

Черт побери, зачем взрослому мужику такая смазливая рожа?

Цзун Цзинь резко отвернулся, специально переставая смотреть на него:

— Я ухожу.

— Ступай отдыхать в повозку, — произнёс мужчина.

— А? Сам-то ты разве не в повозке спишь? — возмутился Цзун Цзинь. — Ни за что не стану делить с тобой крышу...

— Я и не собираюсь туда идти, — ровным голосом ответил Хэлянь Хэн. — Раз уж ты слаб здоровьем, отдыхай в повозке подольше, чтобы не задерживать путь.

Цзун Цзинь уже было открыл рот для отповеди, но мужчина, словно заранее просчитавший его реакцию, тут же поднялся и зашагал прочь, не оставив ему ни единого шанса возразить.

Глядя на удаляющуюся спину Хэлянь Хэна, Цзун Цзинь досадливо цыкнул языком и, в конце концов, ничего не ответив, вернулся в повозку.

Следующие несколько дней прошли в полном спокойствии.

Или, вернее сказать, до тех пор, пока Цзун Цзинь вёл себя тихо, армия Хэлянь погружалась в мёртвую тишину. Они отдыхали ровно по три часа в сутки, разбившись на две смены, при этом вокруг неизменно дежурило не менее шести дозорных, готовых отразить любое внезапное нападение. К тому же все беспрекословно подчинялись каждому слову Хэлянь Хэна, никто не смел высказать и возражения, не говоря уже о том, чтобы ставить под сомнение его приказы.

Цзун Цзиню даже завидно становилось — его армия Юйчи вела себя далеко не так послушно.

Обычно его подчиненные обожали препираться с ним и шутить, и вместо его приказаний охотнее слушались Ло Чэньхуаня. Из-за этого многие дела он предпочитал сваливать на Ло Чэньхуаня, поручая тому разбираться со всем.

К примеру, если он отчитывал какого-нибудь военачальника на чём свет стоит и дело заходило в тупик, он отправлял Ло Чэньхуаня приносить извинения; или если он решался на рискованный манёвр, идущий вразрез с мнением остальных, именно Ло Чэньхуань убеждал остальных генералов.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, скольких ошибок наделал с самого начала: все правители и владыки во все времена опасались министров, чья слава превосходит монаршую; он же не только не боялся, но и изо всех сил старался спихнуть все эти хлопотные дела на Ло Чэньхуаня.

Прислонившись к маленькому окну повозки, Цзун Цзинь невольно тяжело вздохнул.

Шёл уже седьмой день пути из Кэчжоу, брезжил рассвет, едва намечая бледные лучи утреннего света. За истекшие дни он изредка покидал повозку во время привалов, чтобы размять ноги, а всё остальное время честно сидел взаперти, отчего у него ныло абсолютно всё тело.

Судя по обрывкам услышанных им прежде разговоров, сегодняшней дате была назначена «его» собственная погребальная церемония.

Лениво приподняв веки, Цзун Цзинь бросил взгляд наружу — Хэлянь Хэн верхом на коне неотступно следовал рядом с повозкой.

— Хэлянь, — внезапно подал голос он. — Разве тебе, как главе клана, не положено ехать в самом авангарде?

Хэлянь Хэн большую часть времени сохранял беспристрастное выражение лица, и подойти к нему было непросто; однако стоило Цзун Цзиню заговорить с ним нормальным тоном, как тот неизменно отвечал, пускай и отличался крайней немногословностью.

— С какой стати?

— С какой стати? Если глава клана не возглавляет шествие, как подчинённые смогут следовать за ним по доброй воле?

Хэлянь Хэн равнодушно бросил на него взгляд:

— Впереди и позади небезопасно, правителю всегда следует быть начеку.

— ...Ты до такой степени боишься смерти? — сплюнул Цзун Цзинь. — Никчёмный ты чёрт.

В этот самый момент над их головами раздался резкий клекот хищной птицы, прервав их диалог.

Цзун Цзинь невольно задрал голову и увидел, как откуда-то сверху стремительно пикирует вниз огромный Серый сокол с невероятно свирепым видом.

Проследивая взглядом полет птицы, он высунулся из повозки чуть ли не наполовину.

Хэлянь Хэн произнёс:

— Не стоит пугаться.

— Кто тут пугается, просто гляжу... — отозвался Цзун Цзинь. — Ты не хочешь подстрелить его на ужин?

Хэлянь Хэн окинул его многозначительным взглядом и оставил вопрос без ответа.

Между тем Серый сокол долетел до самой головы колонны и кинулся на Цзян И, словно заправская ловчая птица. Но в следующее мгновение Цзян И поднял руку; сокол тут же нашёл опору, взмахнул крыльями и уверенно уселся тому на предплечье.

Опустив руку вместе с птицей, Цзян И скрылся из виду, и Цзун Цзинь, больше не имея возможности разглядеть происходящее, перевёл взгляд обратно на Хэлянь Хэна:

— У вас там, у Хэляней, модно птиц разводить?

Мужчина хранил молчание.

Там же тем временем Цзян И развернул коня и в мгновение ока приблизился к Хэлянь Хэну.

— Господин, — произнул он, протягивая Хэлянь Хэну свиток из тонкой шёлковой ткани, свернутый в трубочку размером с большой палец.

Оказывается, он служил для доставки вестей.

Если этот Серый сокол был способен признавать хозяина, передавать с его помощью донесения было куда проще, чем разводить глупых голубей, каких держал клан Юйчи. На войне информация стоила дороже всего на свете; если бы у него имелось такое средство связи, позволяющее в любую минуту узнавать новости с передовой, шансы на победу мгновенно возросли бы на три десятка процентов.

Пока те двое изучали донесение, Цзун Цзинь еще некоторое время паялся на сокола, а затем не выдержал:

— Одолжишь свою птицу поиграть?